

М. А. Шабасова
Минск

Основные парадигмы англо-американской историографии новейшей истории России (1991–2000 гг.)*

Распад Советского Союза вызвал глубокий кризис советологии, дисциплины занимавшейся исследованием стран «коммунистического блока». После исчезновения СССР, как стратегического противника Запада, встал вопрос о целесообразности продолжения масштабных советских, российских и восточноевропейских исследований. Однако на протяжении более чем 40 лет своего относительно обособленного от других общественных наук существования советология сумела предложить собственные концепции, разработала свой понятийный аппарат и обладала монополией на исследование региона. Поэтому неудивительно, что с начала 1990-х гг. развернулись споры о дальнейшей судьбе советологии, анализ ее ошибок и достижений.

Критика, прежде всего, касалась ревизионистского подхода, занимавшего в 1970–1980-е гг. ведущие позиции в советских исследованиях и акцентировавшего внимание на таких проблемах советского общества как национализм, русификация, взаимоотношения элиты и масс, рост бюрократизации¹. Ревизионисты считали, что использование понятий и характеристик, применимых для западных стран, вполне уместно и при описании СССР. В 1980-е гг. большинство советологов с оптимизмом смотрело на перспективы Советского Союза: советская система представлялась вполне реформируемой и способной двигаться путем модернизации. Примером подобного взгляда на будущее СССР стали взгляды Дж. Хафа, заявлявшего в 1991 г., что позиции советского лидера видятся исключительно прочными, республики, несмотря на происходившие там волнения, останутся частью Союза, реформы в экономике имеют шансы на успех, а КПСС способна сохранить доминирующее положение в стране, став неким подобием мексиканской Институционально-революционной партии или японской Либерально-демократической партии². Как отмечал П. Рутланд, «критические замечания по поводу возможностей советской системы имели место только на периферии дисциплины с ультра правых или ультра левых позиций»³.

В 1990-е гг., когда шел процесс критического переосмысления методологии и теоретических разработок советологических исследований, предпринимались попытки суммировать слабые стороны дисциплины. М. Малиа, справедливо полагая, что советология, по сути, является синтезом исследований в области экономики, политологии, социологии и истории советской системы, проанализировал недостатки каждой из четырех составляющих.

По мнению М. Малиа, плановая экономика Советского Союза, изучаемая с помощью методов и теорий, разработанных для рыночной экономики, неизменно получала более высокие оценки, чем она того заслуживала. Примером подобного взгляда на положение вещей, повлиявшим на дальнейшие исследова-

* Статья подготовлена при поддержке Вышеградского фонда.

ния, стал труд А. Бергсона «Реальный национальный доход Советской России с 1928 г.». Опираясь на данные, полученные с помощью модифицированных западных моделей измерения, автор пришел к выводу, что с 1928 по 1940 гг. советский ВВП вырос более чем на 60 %, являя собой свидетельство впечатляющего экономического роста страны.

Перенос западных теорий и представлений на советскую действительность ощутимо сказался и на политологических исследованиях, где наиболее устойчивыми характеристиками Советского Союза стали такие понятия, как «развитие», «авторитаризм» и «плюрализм». Сторонники такого подхода к СССР верили, что построение социализма является всего лишь вывеской, за которой достигаются банальные цели экономического развития. Что же касается политического устройства страны, то сталинский тоталитаризм сменился обычным авторитаризмом при последователях «великого вождя», а советская система управления вполне могла бы называться «институциональным плюрализмом», так как казалось, что различные учреждения и местные органы власти пользуются достаточной автономией от центра.

Проецирование западных моделей на СССР коснулось и социологии, представители которой пришли к выводу, что советская система хорошо «работала» потому, что была подлинно социальной системой, где все инициативы исходили «снизу вверх». Игнорируя коммунистическую партию и советское государство, придававшие Советскому Союзу особый колорит, социологи, как впрочем, и политологи, и экономисты, отказывались признавать уникальность СССР и, по мнению М. Малиа, имели дело с придуманным ими же самими государством.

Стремление видеть Советский Союз как нормально развивающееся государство сопровождалось попытками реабилитировать советскую историю, а именно создать положительный образ Октябрьской революции, НЭПа, индустриализации и, даже, мероприятий сталинского режима⁴.

Таким образом, согласно господствующей в конце 1980-х гг. парадигме в советских исследованиях, СССР вполне мог считаться государством, успешно продвигающимся по пути модернизации, обладающим позитивным историческим опытом и имеющим шанс быть обновленным «перестройкой». Распад Советского Союза продемонстрировал бессосновательность оптимизма западных советологов. Большая часть экспертов называет одни и те же слабые стороны советских исследований и, хотя список мог варьироваться и быть немного длиннее или короче, есть основания говорить об общепринятых недостатках дисциплины. П. Рутланд выделяет важнейшие причины, приведшие к методологической и теоретической несостоятельности советологии:

— академическая объективность страдала из-за политических пристрастий советологов, которые относились к Советскому Союзу или чересчур доброжелательно, или чересчур враждебно, в зависимости от того придерживались ли они правых или левых взглядов;

— советские исследования оставались весьма слабыми в методологическом отношении в силу своей обособленности от других общественных дисциплин;

— советологам не хватало хорошего знания языков и истории региона, особенно его нерусской части;

— те, кто пытались вести исследования в самом СССР, сталкивались с непреодолимыми препятствиями: ненадежной информацией или вовсе отсутстви-

ем данных, закрытым доступом к важным материалам, преднамеренным искажением фактов со стороны советских чиновников и ученых;

— ведущие специалисты в области советологии больше тяготели к тому, чтобы выступать в роли пророков или экспертов на телевидении, чем заниматься академическими исследованиями, изыскивая эмпирические данные;

— в силу профессиональной, личной или политической конкуренции большинство ученых-эмигрантов остались «за бортом» советологии, утратившей, таким образом, возможность обогатиться за счет знаний непосредственных свидетелей советской действительности;

— финансовая зависимость от правительства позволяла разведывательным и военным ведомствам вмешиваться в академические исследования⁵.

Некоторые критики советологии сосредотачивали большее внимание на отдельных факторах. Так, А. Янов, А. Мотыль, С. Коэн и А. Даллин обвиняли советологию в излишней политизации и осуждали склонность советологов отождествлять свои цели с нуждами своих государств⁶. В. Коннор подчеркивал излишнюю сосредоточенность исследователей на вопросах, касающихся экономики, военной мощи советского государства и политической элиты. Оставляя проблемы культуры, национализма и свободы религии вне поля зрения, советологи теряли возможность адекватно реагировать на изменения в советском обществе и в государствах, находившихся под влиянием СССР⁷. Советологи заблуждались, когда, делая прогнозы дальнейшего экономического развития Советского Союза, говорили, по меньшей мере, о сохранении прежних показателей, тогда как реально экономический рост замедлялся. Многие ученые жаловались на «устаревание» советологии из-за ее изоляции от других гуманитарных наук.

В 1990-е гг. интерес к советским исследованиям и проблемам Восточной Европы значительно упал. Некоторые полагали, что советология исчезла вместе с СССР. А. Ноув писал: «Невозможно быть советологами при отсутствии Советского Союза. Невозможно заниматься сравнением двух систем, если одна из этих систем исчезла»⁸. М. Кокс, разделяя такой подход, писал, что «распад СССР не просто повредил теориям советологов, но, в первую очередь, похоронил советологию как дисциплину»⁹.

Другие отстаивали ту точку зрения, что советология обрела другое название и содержание и, став постсоветологией или россиеведением, продолжила свое существование. Некоторые считали, что советские исследования должны уступить место компаративным исследованиям и, в частности, транзитологии. А. Бейхман назвал преемницу советологии путинологией. На его взгляд, ельцинский интеррегнум не представляет никакого интереса из-за своей анархичности и неопределенности, в то время как В. Путин является для России знаковой фигурой и его можно поставить в один ряд с советскими лидерами¹⁰. С. Хансон полагал, что советология перестала быть отдельной дисциплиной, а постсоветология влилась в основной поток политологии¹¹.

Наследницей советологии времен «холодной войны» и разрядки можно считать современные «российские и восточноевропейские исследования» или, если говорить об одной России, — россиеведение. Такое название дисциплины имеет слабые стороны, так как исключает государства Средней Азии и Кавказа. Однако оно получило распространение, потому что другие варианты, как, например, «посткоммунистические» или «евразийские» исследования, кажутся еще более узкими.

В области «российских и восточноевропейских исследований» сейчас трудятся многие бывшие советологи, являющиеся, пожалуй, лучшими специалистами по постсоветским странам. В отличие от компаративного изучения постсоветского пространства, сторонники регионального подхода делали упор на особенностях исторического пути, как в целом Восточной Европы, так и каждого отдельно взятого государства. Темами постсоветологических исследований стали выборы, экономические реформы, национальное строительство и все те проблемы, которые наполняют послеперестроечную действительность в Российской Федерации и других постсоветских государствах. Несмотря на заимствование некоторых новейших методик, предлагаемых современными общественными науками, полного синтеза регионального и компаративного подходов так и не произошло, и россиеведение, продолжая традиции советологии, продолжает свое несколько обособленное от других гуманитарных дисциплин существование.

На сегодняшний день россиеведение не может представить какой-либо единой научной школы, предлагая общественности громадный спектр подходов и теорий. Широко распространенная дискредитация тоталитарной модели в англо-американской советологии 1970-х гг. сопровождалась очевидным отходом от построения теорий и создания научных моделей¹². Ученые-россиеведы, участвовавшие в ряде конференций, посвященных новой историографии России, «согласились, что они не хотели бы создавать новые школы, новые исследовательские проекты, новую моду, или начинать новую борьбу. Они стремились, прежде всего, ставить новые вопросы, а не стараться найти окончательные на них ответы, приглашая коллег взглянуть на историю, свободную от школ, партий и от самой идеи одного объективного, истинного прошлого»¹³. С одной стороны, существующее многообразие мнений, безусловно, обогащает дисциплину. Однако в то же время, следствием такого плюрализма является отсутствие фундаментальных трудов как результата накапливаемых и передаваемых от одного поколения ученых к другому знаний и опыта. Весьма условно специалистов, работающих в данной области можно разделить на три направления. Значительная часть ученых считает возможным объяснить уникальность региона через его историю и культурные ценности. Часть специалистов видит причины трудностей в процессе демократизации пост коммунистических государств и особенно России в беспрецедентной слабости государства. И, наконец, некоторые эксперты ограничиваются констатацией сложности переходного периода в посткоммунистических государствах и его отличия от трансформации в Латинской Америке и на юге Европы¹⁴. Кроме научных затруднений, российские и восточноевропейские исследования столкнулись с проблемой недостаточного финансирования, связанной с потерей былого интереса со стороны правительств западных стран к постсоветскому пространству. Возможно, отсутствие денежных средств негативно скажется и на дальнейшем изучении региона и не позволит российским исследованиям преодолеть имеющиеся трудности.

Начало 1990-х гг. стало временем триумфа ценностей западной цивилизации, среди которых выделялись демократия и либеральный капитализм. Крах конкурирующей идеологической системы породил веру в единственно правильный путь развития, воплощенный в идеологии неолиберализма, и ожидалось, что после десятилетий бесплодных блужданий посткоммунистические государства вернуться на магистральную дорогу прогресса. Из предположения об одинаковых

результатах развития легко выводилась логическая цепь, согласно которой страны, движущиеся к демократии, проходили одни и те же этапы и были подвержены влиянию схожих факторов. Данная предпосылка вместе с широко декларируемой несостоятельностью классической советологии стала причиной повышенного интереса к региону со стороны ученых и экспертов, ранее специализировавшихся на новых демократиях, находящихся в других частях света. В начале 1990-х гг. заговорили о «возвращении» посткоммунистических исследований в русло социальных дисциплин, имея ввиду, прежде всего, компаративные политические исследования. В 1990-е гг. сравнительный анализ являлся одним из наиболее часто употребляемых научных подходов в исследованиях посткоммунистических государств. Даже в тех работах, где проблемы компаративистики непосредственно не затрагивались, а сравнение разных стран и регионов не являлось целью, изучаемый объект часто рассматривался относительно процессов, проходящих в других частях света, и оценивался в общепризнанных категориях, самой популярной из которых являлось понятие «демократии». Посткоммунистические страны классифицировались по типу политического режима, успеху рыночных реформ и, реже, другим критериям вроде национального единства, развития государственности и др. Сравнительный подход может считаться одновременно и научным методом, и выражением уверенности если не в единообразии, то, по крайней мере, в сопоставимости развития разных стран и регионов. Для посткоммунистического пространства практика сравнительного анализа имеет свои особенности, делающие дискуссии по поводу адекватности применения методов компаративистики особенно острыми.

В традиционной советологии компаративные исследования занимали периферийное место, и попытки сравнить коммунистические и западные системы носили на себе отпечаток идеологического противостояния. В эпоху холодной войны признание общих черт с политическим устройством идеологического противника было политически некорректным. «Ярлык “тоталитарный” имел изолирующий эффект, выводя советскую систему за рамки сравнимого. Поскольку тоталитаризм был антитезисом демократии, то возможной общей почвы не существовало»¹⁵. По утверждению А. Чандлер, причинами слабого использования сравнительного подхода было: 1) предположение, принятое среди политологов и советологов, о том, что государство с «тоталитарным» режимом и навязываемой государством идеологией не может быть в значительной мере сравниваемо с системами, где эти компоненты отсутствовали; 2) негласное соглашение между исследователями левого и консервативного крыла, постулирующее, что Советский Союз на самом деле является уникальным и изолированным явлением; и 3) широко распространенное сомнение в ценности компаративных исследований¹⁶. Одна из редких попыток сопоставления советской и американской политических систем была предпринята З. Бжезинским и С. Хантингтоном, однако, их книга «Политическая власть в США и СССР» заканчивалась выводом, что рассматриваемые системы являются абсолютно разными¹⁷. Некоторое распространение получил «сравнительный коммунизм», ставший попыткой внедрения в советские исследования достижений западных общественных дисциплин. Однако компаративистика так и не стала одним из приоритетных направлений советологии.

С распадом СССР ситуация радикально изменилась. Изучение восточноевропейского опыта трансформации давало возможность для усовершенствования

ранее разработанных теорий, а компаративистика стала хорошим способом для выявления общего и различного, того, что можно считать универсальным и переменным, варьирующимся от случая к случаю. Сравнительный анализ немедленно стал полем для академических дебатов. Оптимизм относительно эвристических возможностей компаративистики был настолько велик, что некоторые специалисты даже предполагали отмирание регионоведения и страноведения. Изоляция регионоведов от социальных дисциплин стала невозможной. С окончанием холодной войны востребованность в изучении посткоммунистических стран и региона в целом на государственном уровне существенно снизилась. Организации, предоставляющие гранты, стали требовать проведения кросс-региональных исследований. Хорошим примером такой тенденции может служить Международная организация научных исследований и обменов (IREX), занимавшаяся ранее исключительно Советским Союзом и Восточной Европой: в сферу интересов организации были включены страны Ближнего Востока, Азии и Африки¹⁸.

Вопросы — «Что сравнивать?» и «Как далеко можно зайти в предположениях о сопоставимости регионов и отдельных государств?», — ставя в один ряд схожие, на первый взгляд, явления, постоянно требуют ответов, и ключевые аспекты компаративных исследований подвергаются пересмотру и дорабатываются практически с начала применения компаративных исследований для Восточной и Центральной Европы. Обычно интер-региональному или кросс-региональному подходу, в рамках которого предполагалось сравнивать режимные изменения во всех новых демократиях, в какой бы части света те ни находились, противопоставлялся интра-региональный подход, сторонники которого полагали, что посткоммунистические государства обладают особым отличительным набором характеристик. Наиболее известным примером такого научного противостояния явился спор, развернувшийся в 1994–1995 гг. на страницах американского журнала «*Slavic Review*» между В. Банс, отстаивавшей достоинства интра-региональных исследований, и приверженцами компаративного анализа в мировом масштабе Т. Л. Карл и Ф. Шмиттером¹⁹.

Суть спора фактически сводилась к тому, являются ли очевидные различия между «Югом» и «Востоком» достаточным основанием для ограничения сравнения. Выделяя отличия Восточной Европы, Т. Л. Карл и Ф. Шмиттер писали о наследии партии-государства, узурпировавшей управление политикой и экономикой; о масштабах крушения предыдущего режима; о значительном влиянии международного фактора; о последовательности трансформационного процесса, характеризующейся большим количеством трудностей²⁰. Отношение ученых к данным различиям было кардинально различным. Если Т. Л. Карл и Ф. Шмиттер полагали, что осознание культурных, исторических или институциональных отличий должно быть результатом систематического компаративного анализа²¹, то В. Банс считала, что интра-региональные исследования сочетают преимущества подконтрольной компаративистики и работы с хорошим фактическим материалом и точными категориями²². Вряд ли можно сказать, что в ходе дискуссии были выдвинуты принципиально новые положения относительно характерных черт региона. Однако ценной была сама острая постановка вопроса, равно как и суммирование отличительных признаков посткоммунистических стран, в той или иной мере проговариваемых различными специалистами. Следует также отметить, что непроходимой границы между двумя подходами нет, и часто, призна-

вая наличие одних и тех же факторов, ученые расходятся только в расстановке акцентов, преувеличивая или преуменьшая значимость особенностей посткоммунистических транзитов.

Становится очевидным, что линия раздела проходит по вопросу о признании коммунистического или «ленинского» наследия. Отмечая его влияние, ученые автоматически становятся сторонниками интра-регионального подхода, в то время как игнорирование фактора прошлого позволяет включить в компаративное исследование большее число стран. Б. Кроуфорд и А. Липхарт разделяли исследовательские подходы, акцентирующие внимание на коммунистическом наследии и императивах либерализации. Если в первом случае ударение ставится на проблемах политической культуры, социальной структуры и институтов, созданных еще при коммунизме, то во втором подчеркивается важность либеральной капиталистической демократии как институциональной структуры, определяющей выбор. Сторонники «либерального» направления полагают, что либеральные институты могут определить предпочтения и ограничить выбор таким образом, что будут созданы новые политические и экономические культуры. Эти институты оказывают влияние на распределение ресурсов, что, в свою очередь, определяет относительную власть политических и экономических факторов²³.

Посткоммунистические страны анализировались в компаративных исследованиях с различной степенью активности. Наибольшее внимание уделялось «лидерам» в политическом и экономическом развитии — Венгрии, Польше, Чехии и Словении. К концу десятилетия к этому списку добавились Словакия и Хорватия. Румыния, Болгария, Албания, равно как и центрально-азиатские и кавказские постсоветские республики фигурировали в компаративных исследованиях достаточно редко. Россия часто понималась как особый случай и была объектом скорее компаративно-направленного анализа, чем подлинного кросс-регионального исследования²⁴. Основными причинами этого явления можно считать огромную территорию Российской Федерации и ее геополитический вес, не позволяющие поставить ее в один ряд с другими странами посткоммунистического пространства, являющимися объектами притяжения различных центров влияния.

Очень часто компаративные исследования интер-регионального масштаба ассоциируются исключительно с транзитологией, субдисциплиной, изучающей проблемы «перехода». Это не совсем верно: исследования посткоммунизма всегда отличались вариативностью и эклектичностью методов, а теории демократизации и демократии приобрели в 1990-е гг. необычайную разносторонность. Однако транзитология заслуживает особого внимания, так как ее мировоззренческие основания получили в 1990-е гг. необычайную популярность и стали основанием для работ, непосредственно не связанных с теорией общественных и гуманитарных наук.

В конце 1990-х гг. едва ли не каждая вторая статья, посвященная концептуальным основам посткоммунистических исследований или изменениям в российском политическом режиме, начиналась абзацем, обвинявшим транзитологов в упрощенном представлении о посткоммунистической трансформации, универсализме и безусловной вере в победу демократии и капитализма. При ближайшем рассмотрении такая критика кажется, не совсем обоснованной. Говоря о посткоммунистических исследованиях 1990-х гг., многие выделяют транзитоло-

логию как доминирующую научную парадигму при изучении региона, однако, следует различать транзитологию как строго научный подход со своим набором методов и как мировоззренческий базис социальных дисциплин, оказывающий влияние на авторов, работающих в разных направлениях. Как писал Дж. Ганс-Морс, «некоторые критики однозначно рассматривают транзитологию как литературу, появившуюся вследствие исследования демократизирующихся режимов в Южной Европе и Латинской Америке... Другие же исследователи полагают, что транзитология... представляет собой не специфическую литературу, а скорее подход к изучению политических, экономических и социальных изменений, которые концептуализируют данные процессы как “переход” с заранее известными результатами»²⁵.

Чтобы разобраться в хитросплетениях политических исследований 1990-х гг., сделаем краткий экскурс в историю общественных наук второй половины XX века. После Второй мировой войны среди западных обществоведов особой популярностью пользовалась теория модернизации, адепты которой настаивали на первоочередной важности социально-экономических или структурных факторов для демократизации политического режима. Например, согласно У. Ростоу, для установления действенного демократического режима было важно соблюсти шесть правил, которые включали в себя мобилизацию всех талантов и ресурсов для модернизации страны; осуществление модернизации в соответствии с культурой и традициями страны и превращение ее в национальную идеологию; обеспечение высоких и устойчивых темпов экономического роста и концентрацию на общественных целях; достижение компромисса при осуществлении политики; повышение участия населения в решении проблем страны; разумную внешнюю политику²⁶.

В 1960-е гг. теория модернизации стала критиковаться за свой пессимизм, поскольку одновременное сочетание предполагаемых благоприятных условий было едва ли достижимо для большинства стран. Как научное направление транзитология стала своего рода противовесом макроструктурному подходу, так как ее теоретики сместили акценты с проблем развития общества и экономики на роль человеческого фактора, считая политических акторов главной движущей силой политического процесса.

В 1970 г. была опубликована статья Д. Рустоу «Переходы» к демократии», ставшая источником идей для транзитологов следующего поколения. В ней, в частности, утверждалось, что демократия является результатом политической борьбы элиты, завершившейся «решением части политических лидеров принять существование многообразия в единстве и институализировать некоторые поворотные моменты в демократической процедуре»²⁷. Единственным условием, необходимым для установления демократии, считалась неоспоримость государственных границ, что сохранило актуальность и на сегодняшний день, так как конфликты и применение силы при их разрешении являются несовместимыми с демократическими принципами.

Дальнейшее развитие актоцентричный подход получил в середине 1980-х гг., когда Г. О’Доннелл и Ф. Шмиттер издали известный труд «Транзиты от авторитарного правления: предварительные выводы о неопределенных демократиях»²⁸, ставший классикой транзитологии. Кроме особого внимания к роли элит, в работе описывался процесс успешного установления демократии как заключения

пакта между центристами старого режима и умеренным крылом демократической оппозиции, что позволяло избежать напряжения в обществе и избавляло государство от революционных потрясений. Эмпирической «вотчиной» транзитологов были государства Южной Европы и Латинской Америке, где, начиная с португальской революции 1974 г., наблюдались падения диктатур и мирные «переходы» к демократической форме правления.

После краха коммунистической системы и распада Советского Союза транзитологи, как и другие обществоведы, обратили внимание на исследования посткоммунистического региона. Однако, вопреки общей критике, возникает вопрос, являлась ли транзитология, как научный подход, главным теоретическим монополистом в области российских и восточнославянских исследований в 1990-е гг.? Дж. Ганс-Морс провел анализ статей, посвященных трансформации политического режима и напечатанных как в журналах российских и восточнославянских исследований, так и в журналах компаративных исследований. Его выводы, основанные на изучении материалов, изданных в 1991–2003 гг., идут вразрез с общепризнанной точкой зрения. Из 131 статьи, относящейся к режимным изменениям, транзитологические методы дискутируются в 66, что составляет 50 % от общего объема изучаемых работ, и «значительное число ученых, которые явно обсуждают транзитологию, вовсе не собираются применять ее на практике, но скорее дают понять, что они находят транзитологический подход неприменимым или недостаточным для анализа основных проблем посткоммунизма»²⁹. При ближайшем рассмотрении только 7 статей напрямую используют либо защищают транзитологический подход в посткоммунистических исследованиях или сравнивают посткоммунистические страны с Южной Европой, Латинской Америкой или другими демократиями «третьей волны» без существенных изменений в первоначальных положениях транзитологии³⁰.

Классическим примером продвижения использования методов транзитологии для Восточной и Центральной Европы и постсоветских республик считается статья Р. Бовы, «Политическая динамика посткоммунистического “перехода”: сравнительная перспектива». Автор обращает внимание на сравниваемость не-революционных «транзитов», где элементы старого режима играют существенную роль в инициировании и определении направления политических изменений³¹. Помещая в компаративную перспективу процесс либерализации в Советском Союзе, он приходит к выводу, что в СССР была реализована модель политических преобразований, испробованная ранее в других частях света. По мнению Р. Бовы, быстрый рост авторитета М. С. Горбачева в первые годы его нахождения у власти, последующий провал центристских реформ, действия советского правительства после 1988 г. и неудача демократизации «сверху» могут быть в полной мере осознаны как закономерность только при сравнении с процессами трансформации в Южной Европе и Латинской Америке. Однако, несмотря на манифестацию методов компаративистики и использование положений, проговоренных еще в труде Г. О’Доннелла и Ф. Шмиттера, Р. Бова призывает сочетать достижения процедурного и структурного подходов, последний из которых предполагает внимание к экономическому развитию, характеру национальной политической культуры, степени национальной интеграции и особенностям классовой структуры страны³². Кроме того, он признает разнообразие процессов демократизации и необходимость внимательного отношения к общему и различ-

ному в ходе режимной трансформации на посткоммунистическом пространстве и за его пределами³³.

Имея статистические данные, свидетельствующие о скромном применении методов транзитологии, можно было бы удивиться популярности субдисциплины, проявлявшейся, правда, по большей части в ее критике. Объяснение этому следует искать в том, что в 1990-е гг. в понятие «транзитология» стали вкладывать разное содержание. Она отождествлялась с теорией демократизации, с компаративными исследованиями, и, в конце концов, стала олицетворением веры в триумфальную победу политических и культурных ценностей западной цивилизации. И здесь речь идет уже не о научной парадигме с четко обозначенными подходами и методами, а о мировоззрении и идеологии, основные положения которых принимаются по умолчанию.

Мировоззренческий фундамент транзитологии опять-таки связан с теорией модернизации, но между ними наблюдается, как то ни парадоксально, совсем другая связь. Российский исследователь Б. Г. Капустин говорит о парадигмах теории модернизации, под которыми он подразумевает «до теоретическую конструкцию», задающую скорее стиль, чем содержание мысли³⁴. К элементам парадигмы теории модернизации он относит представление об истории, как о движении вперед, к лучшему миру; признание единой рациональности, как того, что способствует этому продвижению вперед; понимание культурной однородности, как нормы и разрешение плюрализма только в незначимых сферах, никоим образом не угрожающих демократии и институту частной собственности; имморализм, поскольку представление о единственно возможной рациональности освобождает от этического выбора³⁵. Отказываясь обсуждать последний пункт данного перечня в силу субъективности оценки этического, мы не можем не отметить справедливость первых трех замечаний, поскольку вера в прогрессивное развитие и инвариантность успешного результата являются характеристиками как теории модернизации, так и транзитологии, унаследовавшей мировоззренческий базис своей предшественницы. По сути, транзитологи были виноваты в детерминистском понимании хода истории не больше, чем более ранние поколения обществоведов. Свое реальное воплощение этот философский базис получил в риторике «перехода», под которым подразумевались «переход» от авторитаризма к демократии и рыночной экономике, и оценки так называемых «переходных» режимов относительно демократических стандартов.

Несмотря на тесную взаимосвязь, проблемы «транзита» и политического режима заслуживают того, чтобы рассмотреть их отдельно. В 1990-е гг. большое влияние на исследователей оказала идея «третьей волны» демократизации, принадлежащая С. Хантингтону. Согласно ему, крах советской системы являлся частью мирового процесса демократизации, начавшемуся с португальской революции гвоздик в 1974 г. и распространившемуся затем на страны Латинской Америки³⁶. Тенденция ставить страны бывшего социалистического лагеря в один ряд с известными случаями демократизации политических режимов неоднократно оспаривалась многими учеными. В частности, отмечалось, что было бы неправильно ограничивать посткоммунистический «транзит» только демократизацией, так как государства Центральной и Восточной Европы и азиатские бывшие советские республики стоят перед необходимостью «двойного перехода»: преобразований как в политической, так и в экономической сферах. М. Макфол

предложил классифицировать посткоммунистические переходы как «четвертую волну» режимных изменений, отмечая, что трансформация в регионе шла как в сторону демократизации, так и установления диктатуры и имела другие механизмы. Если для стран «третьей волны» оптимальной формой демократического транзита считался пакт между элитами, то на посткоммунистическом пространстве наибольший успех имели «транзиты», совершенные путем революции³⁷.

Критике стало подвергаться само понятие «перехода». Обычно посткоммунистические государства было принято разделять на консолидированные демократии, консолидированные автократии и гибридные режимы, носящие одновременно признаки демократии и автократии и включенные в так называемую «серую зону». Гибридные режимы (по отношению к ним также использовалось множество названий типа «делегативная демократия», «илиберальная демократия» и т. д.) обычно трактовались как «переходные», находящиеся в состоянии трансформации. Однако по истечении десяти лет со времени развала советской системы у ученых стали появляться сомнения по поводу адекватности такого понимания. Было очевидно, что государства «серой зоны» никуда не «переходят», не претерпевают существенных изменений, а являются достаточно стабильными политическими образованиями, к которым слабо применима терминология, разработанная ранее политической наукой. К концу 1990-х гг., когда «переход» перестал восприниматься как неизбежность, была признана идеологическая окраска видения посткоммунистических государств как будущих демократий с либеральным капитализмом. Транзитология, или вернее ее парадигма восприятия истории как прогресса, понимаемом с точки зрения западных ценностей, была обвинена в предвидении хода и результатов исторического процесса, отождествляемого в данном случае с вестернизацией.

Проблема определения политического режима представляет собой второй аспект посткоммунистических исследований, подверженный влиянию идеологической составляющей транзитологии. В связи с резким увеличением количества стран, которые, как полагалось, движутся по направлению к демократизации своих государств и обществ, ученые были вынуждены сделать доработки в теории демократии, отправными точками которой считались модели Й. Шумпетера и Р. Даля.

В рамках модели Й. Шумпетера, известной как «состязательный элитизм», демократия определяется в качестве процесса, где «индивидуумы приобретают власть принимать решения путем состязательной борьбы за голоса избирателей»³⁸. Плюралистская модель демократии Р. Даля или так называемая «полиархия» предполагает наличие не только состязательности и участия, но также набора основных гражданских и политических прав и свобод. По мнению Р. Даля, режим может оцениваться как демократический, если выполняются следующие условия: контроль над решениями правительства возложено на выборных чиновников; выборные чиновники избираются в ходе регулярных и честных выборов, для которых принуждение, как правило, несвойственно; практически все взрослое население участвует в выборах чиновников; граждане имеют право выражать свое мнение по поводу широкого спектра политических вопросов без угрозы жесткого наказания; граждане имеют право прибегать к альтернативным источникам информации, более того, альтернативные источники информации существуют и охраняются законом; граждане имеют право создавать относитель-

но независимые ассоциации или организации, включая политические партии и группы интересов³⁹. В случае политических исследований Восточной Европы эвристический потенциал обеих моделей оказался достаточно ограниченным. Политические права и свободы, предусмотренные в «полиархии» Р. Даля слабо соответствовали политической действительности большинства посткоммунистических стран.

Предложенную модель можно было использовать для исследования политического «гибридного» режима, хорошим примером чего является статья А. Брауна, где автор, используя модифицированную схему Р. Даля, с успехом проанализировал проявление авторитарного и демократического начал в российском режиме⁴⁰. Однако использование «полиархии» в большинстве случаев приводило лишь к констатации несоответствия посткоммунистических режимов демократическим критериям. Для исследований новых демократий чаще использовалась модель Й. Шумпетера, и справедливость и честность в проведении выборов были признаны краеугольным камнем в оценке демократичности политического устройства. Но понятие «честные и справедливые выборы» утрачивает свой смысл в условиях использования административного ресурса, что часто сопровождается, как в случае российских президентских выборов 1996 г., неравными возможностями кандидатов в участии в предвыборной кампании⁴¹. Оказалось, что многие демократические практики, принимаемые в странах Западной Европы и Северной Америки как должное, были результатом продолжительного развития в сторону демократии. Поскольку для проведения различий между классическими и новыми демократиями требовались специальные оговорки, то появились так называемые «демократии с прилагательными», каждая из которых подчеркивала «дефект» новоиспеченного политического режима. Проблема заключается в том, что демократия была признана эталоном политического устройства, в то время как политический режим страны может являться особым типом, требующим самостоятельного определения и самостоятельных критериев оценки.

В конце 1990-х гг. транзитология была признана аналитической моделью «вчерашнего дня». Наиболее последовательная работа, рассматривающая ее недостатки, принадлежит Т. Каротерсу, который отмечал несостоятельность основных положений транзитологов. К ним он причислял: 1) отношение к «транзиту» как к движению к демократии; 2) строгое выделение этапов трансформации, в процессе которой страна проходит через этап смятения предшествующего режима, его крах и демократическую консолидацию, предполагающую окончательное оформление демократических институтов и отлаживание демократических процедур; 3) повышенное внимание к выборам, которые якобы способствуют долгосрочному углублению демократического участия и ответственности; 4) оценка шансов на успешные преобразования в зависимости от действий или намерений политических элит без учета экономических, социальных и институциональных условий или исторического наследия; 5) акцентирование внимания на проблемах государственного строительства, являющегося, по мнению транзитологов, одним из условий демократизации и проходящего в тесной взаимосвязи с ней⁴².

Х. Виарда писал о слабости транзитологии даже применительно к исследованиям стран Латинской Америки и Южной Европы. На его взгляд, в работах транзитологов в значительной мере игнорируется факт важных и динамичных структурных преобразований, произошедших в этих странах еще при старых

режимах⁴³. Идеологическая составляющая транзитологии подверглась жесткой критике в книге С. Коэна «Крестовый поход», которая, хотя и не является строго академической работой и отличается некоторой тенденциозностью и популизмом, все же отражает основные перегибы в представлениях о восточноевропейском, а в частности, российском «переходе»⁴⁴.

Многозначность понятия «транзитология» ставит современного исследователя перед необходимостью разобраться в том, идет ли речь о научной теории, выработанной в 1970–1980-е гг. для Южной Европы и Латинской Америки, или же о транзитологии как определении для идеологической и мировоззренческой компоненты различных теорий демократизации и демократии. Транзитология как теория среднего уровня, появившаяся в определенном историческом контексте, имеет право на существование, как и любая другая теория, а умеренное использование ее актоцентричного подхода бывает весьма уместным при изучении тех стран, которые не были изначальным объектом исследования транзитологов.

Характерно, что для специалистов, целенаправленно исследующих Восточную Европу, был свойственен более пессимистичный взгляд на демократическое будущее региона. Еще до окончательного краха коммунизма, в эпоху энтузиазма и радужных надежд, свойственных периоду 1989–1991 гг., Г. Экерт предсказывал, что, учитывая сложность имеющегося экономического, политического и социального кризиса, равно как и отдельные аспекты политической культуры и традиций, «переход» к другой разновидности недемократического устройства представляется более вероятным, чем подлинная демократизация⁴⁵. Он утверждал, что «взаимодействие между демократизацией политики и построением рыночной экономики представляет особую проблему и создает дополнительное пространство для конфликтов и напряженности, почти совершенно отсутствующих в классических транзитах от авторитарных режимов. Более того, процесс демократизации в регионе был развернут на фоне острого экономического и социального кризиса, делающего новые избранные демократические правительства скорее проводниками социальной и экономической катастрофы, чем поборниками свободы и процветания»⁴⁶.

К. Йовитт, утверждал, что после распада коммунистической системы страны Восточной Европы будут ожидать период турбулентности и нестабильности, хотя, возможно, небольшая группа элиты, приверженная определенной идеологии, сможет предложить новые институциональные формы. Вместе с тем, учитывая коммунистическое («ленинское») наследие, поворот к авторитаризму весьма вероятен⁴⁷. В одном из своих наиболее красочных высказываний К. Йовитт утверждал, что «теми, кто будет определять институциональную идентичность Восточной Европы будут скорее демагоги, священники и полковники, чем демократы и капиталисты»⁴⁸.

Основные тезисы К. Йовитта стали отправной точкой для академических дебатов о существовании и влиянии особого «ленинского наследия». Примером научной разработки данной тематики служит сборник «Либерализация и ленинское наследие», изданный Б. Кроуфордом и А. Липхартом⁴⁹. С точки зрения развития теории особый интерес представляет статья С. Хансона «Ленинское наследие, институциональные изменения и постсоветская Россия»⁵⁰, где автор значительно развил базовые идеи К. Йовитта. По мнению С. Хансона, при исследовании посткоммунистического региона не следует сбрасывать со счетов

фактора влияния мировых капиталистических рынков, под которым он понимал проникновение хотя бы неформальных земельных, трудовых и денежных рынков в коммунистические страны еще до начала полного капиталистического реформирования; близость страны к западным рынкам и источникам инвестиций; состояние подъема или упадка мировых капиталистических рынков, сказывающегося на возможностях Запада оказывать экономическую помощь. Кроме этого, С. Хансон предложил выделить идеологическую, политическую, экономическую и культурную составляющие коммунистического прошлого и анализировать восточноевропейские транзиты, используя данную структуру «ленинского наследия». Примечательно, что в соответствии с анализом четырех вышеуказанных элементов постсоветская Россия оказалась зажатой в тиски «ленинского наследия» гораздо более, чем восточноевропейские сателлиты Советского Союза.

Сторонники интра-регионального анализа имеют возможность изучать в сравнительной перспективе большее количество факторов, чем те, кто практикует компаративистику в широком масштабе. Проблемы приватизации, федерализма, образования новых государств и т. д. по определению могут рассматриваться только для ограниченного числа стран, объединенных относительно одинаковым прошлым, оставившим после себя ряд схожих проблем, остро вставших на повестке дня в 1990-е гг. Поиск неочевидных аналогов для таких частных случаев неизбежно привел бы к тому, что Дж. Сартори называл «концептуальным растягиванием», при котором охват концепции расширяется благодаря «затемнению коннотации»⁵¹.

Ученые дискутировали по вопросу о природе посткоммунистического «перехода». «Транзиты» от тоталитаризма противопоставлялись «транзитам» от авторитаризма, оставлявшего экономику и общество латиноамериканских стран относительно независимой от государства. «Двойной» экономический и политический «переход» ставил государства Центральной и Восточной Европы и бывшие азиатские советские республики в исключительные условия. Х. Вирарда говорил о том, что «из всех отличий между Южной Европой и Россией и Восточной и Центральной Европой, возможно, самое важное состояло в существовании зачаточных рынков, финансовых институтов и делового (предпринимательского) сектора в первом случае и их практически полном отсутствии во втором»⁵². Ф. Родер писал даже о «тройном транзите», акцентируя внимание на национальной трансформации, под которой понималось складывание национальных государств. На его взгляд, многонациональное государство является проблемным для установления демократии, поскольку мирное сосуществование разных этнических групп трудно достижимо и едва ли регулируемо демократическими методами⁵³. Дж. Драйзек и Л. Холмс указывали на «транзиты» в сфере институтов, отношений и экономики. При этом под институциональным «транзитом» понимались реформы правовых, общественных, образовательных и правительственных институтов, тогда как «переход» в сфере отношений требовал изменения отношения как к новым институтам и законам, так и к классовой структуре, идентичности и международным союзам⁵⁴.

Сравнительный анализ посткоммунизма был направлен как на выявление особенностей региона и его характеристику в целом, так и на распознавание различий между отдельными государствами. В. Банс, наиболее известный апологет интра-регионального подхода, писала, что посткоммунистические страны отличаются значительное разнообразие в политических и экономических показателях;

устойчивость и привлекательность демократических режимов; слабое государство как основная угроза демократии (в отличие от латиноамериканских и южно-европейских государств, где главная опасность видится в военных); влияние на демократизацию национального фактора⁵⁵. Будучи автором статей по политической экономике, она также выводила в качестве отличительной черты региона зависимость между демократизацией политического режима и экономическими реформами, в то время как подобная корреляция для Латинской Америки и Южной Европы была неочевидной⁵⁶.

В 2000-е гг. интра-региональные исследования исчерпали себя, а само понятие «посткоммунизма» стало историей. Ч. Кинг назвал последней попыткой компаративного рассмотрения «переходных» посткоммунистических стран четырехтомное издание К. Давиша и Б. Пэррота «Демократизация и авторитаризм в посткоммунистических обществах», увидевшее свет в 1997 г.⁵⁷ Можно выделить две основные причины постепенного исчезновения исследований посткоммунистического пространства как единого региона. Во-первых, в силу отдаления во времени объединяющее наследие «ленинизма» утратило былую актуальность, и другие факторы стали оказывать влияние на развитие Восточной Европы и постсоветской Азии. Во-вторых, дифференциация внутри посткоммунистического пространства по политическим и экономическим показателям и разность парадигм развития настолько усилились, что проведение параллелей стало едва ли уместным. Согласно Г. Экерту, Я. Кубику и М. Вахудовой, на посткоммунистическом пространстве были продемонстрированы как наибольшие, так и наименьшие успехи в области демократизации и развития экономики по сравнению со всеми теми странами, которые были причислены к «третьей волне»⁵⁸. Ч. Кинг писал, что региональные исследования не должны исчезнуть, но и оставаться такими, как десять лет назад, они также не могут⁵⁹. Иными словами, посткоммунистическое пространство как единое целое перестало существовать, и подверженные компаративному анализу страны должны быть перегруппированы согласно актуальной для них проблематике.

Примечания

- 1 *Лантева Е. В.* Некоторые характерные тенденции в развитии американского россиеведения 90-х годов // Отечественная история. 2004. № 2. С. 159.
- 2 *Лукин А. В.* Англоязычная советология и общественные науки в России // США: экономика, политика, идеология. 1995. № 9. С. 50.
- 3 *Rutland P.* Post-Sovietology Blues: Reflections on a Tumultuous Decade // Democratizatsiya. 2003. No. 1. P. 134.
- 4 *Малия М.* Из-под глыб, но что? // Отечественная история. 1997. № 5. С. 95–102.
- 5 *Rutland P.* Sovietology: Who Got It Right and Who Got It Wrong // Rethinking the Soviet Collapse: Sovietology, the Death of Communism and the New Russia / Ed. by Michael Cox. London; New York, 1998. P. 37.
- 6 *Remington T.* Common Knowledge: Soviet Political Studies and the Problem of System Stability // Beyond Soviet Studies / Ed. by Daniel Orlovsky. Washington, D. C., 1995. P. 159.
- 7 *Connor W.* Why Were We Surprised // American Scholar. 1991. No. 2. P. 176.
- 8 *Меньковский В. И.* Англо-американская советология после распада СССР // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту. 2002. № 2. С. 31.
- 9 *Kennedy-Pipe C.* Getting It Right, Getting It Wrong: The Soviet Collapse Revisted // International Affairs. 1999. No. 2. P. 369.
- 10 *Beichman A.* Putinology Study // <http://hnn.us/roundup/comments/4067.html>

- 11 *Hanson S.* Sovietology, Post-Sovietology, and the Study of Postcommunist Democratization // *Demokratizatsiya*. 2003. No. 1. P. 145.
- 12 *Urban M., Fish S.* Does Post-Sovietology Have a Future // *Rethinking the Soviet Collapse...* P. 177.
- 13 *Бурбак Д.* Новые течения в американской историографии о России: власть и культура // <http://www.omsu.omskreg.ru/histbook/articles/y11997/a060/articke.shtml>
- 14 *Gel'man V.* Regime Transition, Uncertainty and Prospects for Democratization: The Politics of Russia's Regions in a Comparative Perspective // *Europe-Asia Studies*. 1999. No. 6. P. 941.
- 15 *Chandler A.* The Interaction of Post-Sovietology and Comparative Politics: Seizing the moment // *Communist and Post-Communist Studies*. 1994. No. 1. P. 5.
- 16 *Ibid.* P. 5.
- 17 *Brzezinski Z., Huntington S.* *Political Power USA/USSR*. New York, 1964.
- 18 См.: <http://www.irex.org/>
- 19 *Schmitter P., Karl T. L.* The Conceptual Travels of Transitologists and Consolidologists: How Far to the East Should They Attempt to Go? // *Slavic Review*. 1994. No. 1. P. 173–185; *Bunce V.* Should Transitologists Be Grounded? // *Slavic Review*. 1995. No. 1. P. 111–127; *Bunce V.* Paper Curtains and Paper Tigers // *Slavic Review*. 1995. No. 4. P. 979–987; *Schmitter P., Karl T. L.* From an Iron Curtain to a Paper Curtain: Grounding Transitologists or Students of Postcommunism // *Slavic Review*. 1995. No. 4. P. 965–978.
- 20 *Schmitter P., Karl T. L.* The Conceptual Travels of Transitologists and Consolidologists... P. 178.
- 21 *Schmitter P., Karl T. L.* From an Iron Curtain to a Paper Curtain... P. 971.
- 22 *Bunce V.* Paper Curtains and Paper Tigers... P. 981.
- 23 *Crawford B., Lijphart A.* Old Legacies, New Institutions: Explaining Political and Economic Trajectories in Post-Communist Regimes // *Liberalization and Leninist Legacies: Comparative Perspectives on Democratic Transitions*. Berkeley, Calif., 1997. P. 2–9.
- 24 *King Ch.* Post-Communism: Transition, Comparison, and the End of 'Eastern Europe // http://muse.jhu.edu/journals/world_politics/v053/53.1king.html
- 25 *Gans-Morse J.* Searching for Transitologists: Contemporary Theories of Post-Communist Transitions and the Myth of a Dominant Paradigm // *Post-Soviet Affairs*. 2004. No. 4. P. 322.
- 26 *Почмоу У. У.* Политика и стадии роста. М., 1973. С. 149–150.
- 27 *Rustow D.* Transitions to Democracy: Toward a Dynamic Model // *Comparative Politics*. 1970. No. 3. P. 357.
- 28 *Transitions from Authoritarian Rule: Tentative Conclusions About Uncertain Democracies* / Ed. by Guillermo O'Donnell, Philippe C. Schmitter, and Laurence Whitehead. Baltimore, 1986.
- 29 *Gans-Morse J.* *Op. cit.* P. 328.
- 30 *Ibid.* P. 330.
- 31 *Boza R.* Political Dynamics of the Post-Communist Transition: A Comparative Perspective // *World Politics*. 1991. No. 1. P. 116.
- 32 *Ibid.* P. 126–127.
- 33 *Ibid.* P. 117
- 34 *Канустин Б. Г.* Конец «транзитологии»? (О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия) // *Полис*. 2001. № 4. С. 8.
- 35 Там же. С. 9–10.
- 36 *Хантингтон С.* Третья волна: демократизация в конце XX века. М., 2003.
- 37 *McFaul M.* The Fourth Wave of Democracy and Dictatorship: Noncooperative Transitions in the Post-communist World // *World Politics*. 2002. No. 2. P. 212–214.
- 38 *Schumpeter J.* *Capitalism, Socialism, and Democracy*. New York, 1947. P. 269.
- 39 *Dahl R.* *Dilemmas of Pluralist Democracy*. New Haven, 1982. P. 11.
- 40 *Brown A.* Evaluating Russia's Democratization // *Contemporary Russian Politics. A Reader* / Ed. by Archie Brown, Oxford; New York, 2000. P. 546–568.
- 41 *Treisman D.* Dollars and Democratization: The Role and Power of Money in Russia's Transitional Elections // *Comparative Politics*. 1998. No. 1. P. 1–21.
- 42 *Carothers T.* The End of Transition Paradigm // *Journal of Democracy*. 2002. No. 1. P. 17.
- 43 *Wiarda H.* Southern Europe, Eastern Europe, and Comparative Politics: «Transitology» and the Need for New Theory // *East European Politics and Societies*. 2001. No. 3. P. 488.
- 44 *Cohen S. F.* *Failed Crusade: America and the Tragedy of Post-Communist Russia*. New York, W. W. Norton, 2001.
- 45 *Ekiert G.* Democratization Processes in East Central Europe: A Theoretical Reconsideration // *British Journal of Political Science*. 1991. No. 3. P. 288.

- 46 Ibid. P. 311.
- 47 *Jowitt K.* The Leninist Legacy // *New World Disorder: The Leninist Extinction.* Berkeley: Calif., 1992.
- 48 Ibid. P. 300.
- 49 *Liberalization and Leninist Legacies: Comparative Perspectives on Democratic Transitions.* Berkeley, Calif., 1997.
- 50 *Hanson S.* The Leninist Legacy, Institutional Change, and Post-Soviet Russia // *Liberalization and Leninist Legacies...* P. 228–252.
- 51 *Sartori G.* Concept Misformation in Political Science // *American Political Science Review.* 1970. No. 4. P. 1040–1041.
- 52 *Wiarda H.* Op. cit. P. 492.
- 53 *Roeder P.* Peoples and States After 1989: The Political Costs of Incomplete National Revolutions // *Slavic Review.* 1999. No. 4. P. 854–882.
- 54 *Dryzek J. S., Holmes L. T.* Post-Communist Democratization Political Discourses across thirteen countries. New York, 2002. P. 4.
- 55 *Bunce V.* Comparative Democratization: Lessons from the Post-Socialist Experience // *After communism: Perspectives on Democracy* / Ed. by Donald R. Kelley. Fayetteville, 2003. P. 31–60.
- 56 *Bunce V.* The Political Economy of Postsocialism // *Slavic Review.* 1999. No. 4. P. 756–793; *Bunce V.* Democratization and Economic Reform // *Annual Review of Political Science.* 2001. No. 4. P. 43–65.
- 57 *Democratization and Authoritarianism in Postcommunist Societies* / Ed. by K. Davisha, B. Parrott. 4 vols. Cambridge, U. K.; New York, USA, 1997.
- 58 *Ekiert G., Kubik J., Vachudova M. A.* Democracy in the Post-Communist World: An Unending Quest? // *East European Politics and Societies.* 2007. No. 1. P. 8–13.
- 59 *King Ch.* Op. cit.